

НА «БУРОВНЕ»

С.Г. Гаджиева

Не так уж просто вспоминать события полувековой давности, но я вот собралась написать кое-что о общей нашей с Адей и Нинусей жизни в детстве, в основном во время разных каникул — чтобы на этот раз таким вот способом поздравить Адечку с днём рождения, и не простым днём рождения, а шестидесятилетним юбилеем.

Какое мое воспоминание об Аде является первым, самым ранним, я не могу сказать. Нет в памяти такого дня, когда я его увидела в первый раз, он просто всегда был.

В совсем раннем детстве наша повседневная летняя путивльская жизнь текла мерно, без особенно ярких событий, и наверное поэтому о раннем детстве у меня не сохранилось каких-либо конкретных воспоминаний об Аде — вплоть до времени нашего житья на Буровне в лесу, где мы «были» индейцами. Дети — индейцами, а взрослые — бледнолицыми; впрочем, и среди индейцев был один взрослый — наш любимый Адик Паншин, друг дяди Ивы, возможно и его одноклассник, а позже — друг всей нашей семьи. Он жил в Липецке, а в отпуск приезжал в свой родной Путивль, где прошло его детство и где и дальше жили все его близкие.

Поэтому самые ранние воспоминания об Аде — это какие-то случаи, сцены, «кадры» — именно во время жизни на речке Буровне. У меня таких периодов лесной жизни «на Буровне» в бытность индейцами было два — когда мне было 6 лет и второй раз — в возрасте 10 лет, а значит это, скорее всего, были 1974 и 1978 годы.

Адя был вождем племени. У всех у нас были индейские имена — Черный орел, Красная стрела, Тигровая лилия, Великая маленькая пантера... Было заведено настоящее индейское хозяйство — жилище (типи) и его «обстановка», посуда и одежда. Сначала Адей была «проработана» литература о жизни индейцев, на каком-то этапе оформилась идея «быть» индейцами, жить жизнью индейцев и т. д. — постепенно всё сложилось во вполне реализуемый план. Тетя Нина поддерживала его во всем, помогала в осуществлении всего за-

мысла. Было собрано нужное количество шкур для жилища, подходящая посуда, сшита одежда индейцев... луки, стрелы и пр. Типи был установлен на достаточном расстоянии от палатки «бледнолицых», может быть метрах в ста, ближе к реке. Имена индейские у нас были уже с первого же индейского года, в первый раз (в 1974 г.) я лично довольно мало принимала участие в самой индейской жизни, во второй раз уже побольше, но с первого же раза запомнилось много услышанного и увиденного — разнообразные детали индейской жизни, рассказы о характере индейцев, об испытаниях ловкости и мужества и т. д. Из второго периода (т. е. 1978 г.) запомнилось, например, как пеклись пресные лепешки на костре, всплывают в памяти какие-то «страшные» рассказы о предстоящих переплываниях речки ночью... В лесу все приметные места получили свои названия — Голубая долина, Зеленая долина, Белая долина... помню, что создавались карты с разными обозначениями, которые нам давала тетя Нина и которые мы потом все вместе разгадывали, разыскивая что-то по этим картам. Жили мы так в лесу каждый раз не менее месяца, причем основное время проходило в прогулках по лесу, в сборе грибов, ягод и походах вдоль речки, плавании. Один раз, когда мы вдвоем с бабушкой (Матей¹) блуждали по лесу, собирая грибы, мы увидели лося, совсем недалеко от нас. Я прекрасно помню, как Матечка была поражена этим; меня это не так уж удивило — ведь почти каждый день происходило что-нибудь «впервые», мне было неполных 11 лет, тогда как-то всё так воспринималось — «ну лось так лось, пришла, значит, мне пора и лося в лесу увидеть», но запомнилось навсегда это удивление и восторг Матечки.

Добавлю только, что так уж вышло, что благодаря Адиному очень серьезному увлечению индейцами и всем-всем, с ними связанным, и тому, что тетя Нина взялась помочь ему осуществить всё задуманное (а ей, в свою очередь, помог Дяша² — в том, что зависело уже только от него) — у всех у нас, «индейцев», среди которых была и Нинуся, и мы с сестрой, Любой — сохранились яркие детские воспоминания об этой жизни в лесу.

* * *

Очень четко вспоминается в детстве приезд Ади к нам в Махачкалу, мы тогда жили в Узбек-городке³, Адя кажется был в какой-то из дагестанских экспедиций, а уже на пути назад ненадолго остановился у нас. Кроме того, были и приезды тети Нины и Дяши, Ади и Нины — всей семьей — оба раза

¹ Антониной Дмитриевной Коваль. Бабушку мы все, ее внуки, звали Матя.

² Дяшей мы с сестрой (Любой) называли дядю Сашу, Адино папу — Александра Евгеньевича.

³ Узбек-городок — микрорайон Махачкалы.

в марте, на весенние каникулы: первый раз — когда Нина и я были четвероклассницами (1978 г.) и второй — когда мы были уже семиклассницами (значит, это был 1981 год). В оба приезда тетя Нина брала с собой нас — всех четверых детей: Адю, Нину, меня и Любу — и мы совершали восхождение на Тарки-тау⁴. Не помню, оба ли раза мы поднялись на самый верх горы, на плато, но второй раз прекрасно это помню, как мы шли по плато и спускались по каменным глыбам, по такой своеобразной тропе вниз, перебираясь кое-как с камня на камень. Эта «тропа» — довольно экстремальный спуск для такой компании — если я правильно понимаю, находится напротив улицы 26 Бакинских комиссаров⁵. Наверху мы долго шли вдоль того края плато, который «обернут» к Махачкале, там отвесные скалы. Адя пугал нас всех тем, что лежал на самом краю и выкрикивал что-то вниз. Мы не подходили к краю близко и все вместе просили его тоже уйти оттуда.

Махачкала — далеко внизу, и с плато не просто видно море — оно занимает большую часть обзриваемого пространства, а город кажется узкой полосой у моря. Если бы не такой решительный и смелый шаг тети Нины — повести нас туда — то мы бы в школьном возрасте там и не побывали, потому что вся эта местность, особенно в те времена, считалась довольно заповедной территорией и редко кто туда ходил (я, по крайней мере, не слышала, чтобы кто-либо из наших родных и знакомых бывал на плато). Это вовсе не обычное направление прогулок для жителей Махачкалы; можно сказать, что тетя Нина нам проложила дорогу на плато Тарки-тау, и теперь мы ходим туда довольно часто. Когда мы смотрим на скалистый обрыв горы Тарки-тау, мы вспоминаем те наши давние походы в детстве с тетей Ниной, Адечкой и Нинусей.

* * *

Вспоминается, как Адя с Дяшей (Дяша с ним, точнее) летом в Путивле занимался латынью в галерее. В том её конце, который ближе к выходу в сад, вплотную к кладовке стояли кресла и стол, это и было их рабочее место во время занятий латынью.

Адя на четыре года старше меня (учился он на пять классов старше, потому что пошел сразу во второй класс), и сразу надо сказать, что в вопросах учебы и вообще всех занятий как-то всегда был для меня образцом, правда, недостижимым — скорее ориентиром. Просто общая атмосфера в семье была такая, что это у нас само собой разумелось.

⁴ Дяши с нами не было в походе. Скорее всего, он ходил в это время по работе в университет и в филиал Академии наук, где встречался с филологами, по работе.

⁵ Ныне — пр. М. Ярагского.

* * *

В Путивле, где мы всегда жили во время маминого отпуска и наших летних каникул, по устоявшемуся у нас распорядку дня в обычные дни, мы все, дети, после завтрака занимались музыкой по часу, по очереди, на пианино. У каждого из нас было задание по музыке на лето. Помню, как Адя прекрасно играл.

Гораздо более позднее воспоминание — о его игре на гитаре и пении; играть на гитаре он научился, по-моему, уже в студенческие годы, но может и в старших классах, помню, частенько, и в Москве, и в Путивле его просили спеть, он пел песни Высоцкого и других, аккомпанируя себе на гитаре.

* * *

В обычной нашей летней путивльской жизни некоторыми «событиями» были Адины походы на рыбалку. Адя часто договаривался со своим другом Димой, с Адиком Паншиным и его племянником Юрой, и они вместе ходили или ездили куда-то ловить рыбу, поэтому часто можно было слышать о выкапывании червей и, конечно, видеть, как это происходит...

Улов приносился домой, и в рассказах о рыбалке звучали названия рыб — плотва, окунь, сибиль, щука, пескари и т. д., одновременно с названиями рыболовных снастей — удочка, леска, поплавок, грузило, наживка — так, благодаря этому Адиному увлечению, и мы познакомились с рыбацкой лексикой. Насколько мне помнится, Адя чистил всю рыбу сам.

* * *

У Ади всегда была удивительная способность найти и привезти из своих далеких поездок каждому какой-то интересный подарок, меня всегда удивляло, какая у него изобретательность насчет подарков, каких-то совершенно неожиданных. Часто он даже не вручал нам их лично, а вернувшись в Москву из какого-то города или из какой-то страны, передавал нам через кого-то — в Махачкалу, в Загреб, в Горки. Я больше ни у кого из людей не встречала такого дара придумывать и выбирать людям каждому какой-то особенный подарок. Из его подарков мне сейчас вот вспоминается костяной нож в виде коня (для разрезания страниц); первоклассный ежедневник; но первый, запомнившийся и сохранившийся до сих пор подарок — это привезенный им из Болгарии, куда он ездил со своей школой, когда учился, кажется, в девятом классе — маленький деревянный болгарский мальчик с желтыми волосиками-нитками, открывающийся, а внутри — капсула с розовым маслом. Люба вспоминает, как Адя с Мирой однажды привезли ей с Аляски большие дере-

вянные ложки в виде лап медведя — для накладывания салата. Очень широка география этих подарков. Мы с мамой всегда поражались этому Адиному дару — каждому подобрать что-то с учетом его интересов и «слабостей», угадать, чему человек обрадуется; а с другой стороны, вообще удивляло, как это он успевает обо всех-всех вспомнить и каждому из нас что-то привезти, как из долгих, далеких поездок, так и из совсем коротких и близких.

* * *

Здесь я ограничусь воспоминаниями порой школьного детства, поскольку они очень греют душу, тем более сейчас, когда нашего старшего поколения уже нет здесь с нами.

Хотелось бы здесь все же вспомнить еще кое о чем, к чему мое внимание привлекла тетя Нина, заговорив однажды на эту тему. У нас в Путивле было много разных друзей семьи, прежде всего, Лисенька, затем Валерочка, Зикочка⁶ и другие. Тетя Нина как-то сказала мне, что Адя всегда пишет всем им, обязательно поздравляет их, например, с днями их рождений, с Новым годом — всем близким пожилым, старшим людям — друзьям, родственникам, что он очень обязателен и постоянен в этом. Я тоже помню, что и наша семья всегда неизменно получала весточку от него к Новому году, ко дням наших рождений, иногда из Москвы, иногда откуда-то издалека... и несмотря на стремительное, бурное течение жизни, он, непременно находил возможность написать, позвонить нашей маме всегда.

⁶ Лисенька — Лидия Федоровна Тверитинова (она жила в Путивле и была преподавателем русского языка и литературы в путивльском техникуме), Зикочка — Зинаида Ивановна Минакова (учитель русского языка и литературы в Конотопе), Валерочка — Валерия Евгеньевна Чеботарева (преподаватель латинского языка в Киевском университете). В моем детстве они все уже были на пенсии. Все они — ученицы, а позже — подруги нашей бабушки, а затем и всей нашей семьи: с юности, с поры их учебы так и завязалась эта дружба и потом сохранялась в течение всей жизни.